

УДК 327

Егоров В.Г.¹, Абрамова Ю.А.²¹Московский государственный областной университет²Московский государственный индустриальный университет

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И ОБРАЗОВАНИЕ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена зарождению Потсдамской геополитической системы. Авторы показывают стремление западноевропейских держав создать наднациональную систему финансового интернационала и разъясняют причины недовольства Запада процессом превращения Советского Союза в сверхдержаву. В статье предпринята попытка раскрыть цивилизационный код СССР/России и доказать невозможность ее дальнейшего существования в проамериканском фарватере.

Ключевые слова: Вторая мировая война, послевоенные международные отношения, новая геополитическая система, цивилизационный код СССР, западноцентричный порядок, «холодная война».

V. Egorov¹, Yu. Abramova²¹Moscow State Regional University²Moscow State Industrial University

GREAT VICTORY AND THE FORMATION OF A NEW GEOPOLITICAL SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the birth of Potsdam geopolitical system. The authors show the Western powers efforts to create a supranational system of financial internationals and explain the reasons for the discontent of the West with the process of turning the Soviet Union into a superpower. The article is an attempt to reveal the civilizational code of the USSR / Russia and to prove the impossibility of its further existence of the pro-American fairway.

Key words: World War II, postwar international relations, new geopolitical system, civilizational code of the USSR, western oriented order, "cold war".

После Второй мировой войны ситуация в мире кардинальным образом изменилась. Помимо прежних факторов, влиявших на мировой порядок, появился новый вектор развития международных отношений – новая расстановка сил, сложившаяся в результате Второй мировой войны.

СССР, как страна-победительница, завоевала статус сверхдержавы, что вполне предсказуемо вызвало проти-

водействие Запада. Цивилизационный код СССР не вписывался в формирующийся западный универсум.

Партнеры по антигитлеровской коалиции никогда не доверяли друг другу. Это было результатом не столько идеологических разногласий, сколько «цивилизационного разлома».

Прежние геополитические системы (Вестфальская, Венская и Версальская) имели свою специфику, которая позволяла всей конструкции быть бо-

лее прочной и закрепить сложившуюся геополитическую реальность. Так, Вестфальская система стала итогом вступления планетарной цивилизации в эпоху буржуазного порядка. В национальных государствах элита контролировала ренту и ресурсы суверенных территорий.

Венский конгресс закрепил колониальный раздел мира. Материальной силой, создавшей Венскую систему, стал национальный капитал, стремившийся упрочить свой функционал за счет расширения рынков. Версальская международная архитектура, ставшая самой недолговечной, воплотила в себе неудачную попытку перераспределить мировые ресурсы между неравномерно развивающимися лидерами капитализма.

По сути, можно говорить о появлении финансового интернационала. Известный историк А. Тойнби в 1931 г. в Копенгагене заявил: «В настоящее время мы сотрудничаем со всеми, кто может заставить национальные государства нашего мира забыть о загадочной силе, называемой суверенитетом. И мы постоянно отрицаем то, что делаем в действительности» [12, с. 44].

Лидер британских лейбористов на съезде партии в 1934 г. повторил основную мысль А. Тойнби: «Мы сознательно ставим верность мировому порядку выше верности собственной стране» [12, с. 23].

Стали появляться структуры, направленные на достижение амбиций финансовых групп. Например, в 1921 г. в США был создан Совет по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*, CFR) – частная американская организация, занимающаяся международными связями, издающая один из самых авторитетных журна-

лов в вопросах внешней политики – *Фоорин афферс* («*Foreign Affairs*») и финансируемая компанией, связанной с Ротшильдами.

Победивший войну Советский Союз явно не вписывался в тренд, продавливаемый мировой финансовой олигархией. Цивилизационная идентичность России и Советского Союза, не дающая оснований для перспективы встраивания в западноцентричный порядок, всегда препятствовала их геополитической интеграции в формате, определяемом трансатлантическим сообществом.

Российский этнос, в какой бы идеологической оболочке он не находился, был трансцендентным в системе западных ценностей. Западное мировоззрение основано на незыблемом приоритете индивидуального над коллективным, ограниченно-осязаемом альтруизме, процедурно-минималистской демократии [16, с. 242, 269, 284].

Российская идентичность вырабатывает особый архетип мировосприятия, основанный на общинности, поглощающей индивидуализм, и очерченный не замкнутым пространством, а границами «Большого русского мира», цементированного скрепами «народности».

В России сложилась многовековая традиция отношения к власти, точнее, ее лидеру как к носителю «высшей истины», гаранту общественного блага. В отличие от господствующего на Западе институционального представления о власти как результате свободного выбора граждан,

Обладая значительными естественными и культурными ресурсами, Российская империя, а затем и СССР активно несли в себе нежелательный

для Запада потенциал Центра континентального мира. Тем более, что в западном общественно-политическом сообществе уже сложилось представление о важной роли Евразийского континента в достижении мирового господства. Директор Лондонской Экономической Школы Хэлфорд Джон Маккиндер (1861–1947 гг.) обосновал «срединное» центральное положение Евразийского континента в архитектуре планетарной цивилизации.

Следует также помнить, что возможность имплементации российской державности и международного статуса всегда усиливалась цивилизационным мессианством: до октября 1917 г. добровольным обязательством освобождения и защиты славянских народов, поддержкой угнетенных капиталом. Победа в войне против «коричневой чумы» многократно усилила притягательную силу российской цивилизации.

Уже при создании Венской геополитической системы западные страны, в том числе те, что восстановили свой суверенитет благодаря победе России над Наполеоном, стремились к закупленным договоренностям, направленным против ее утверждения в качестве центра континентального мира. Позиция объединенного противодействия положению России, претендовавшей на роль европейской сверхдержавы, привела христианские Францию и Англию к союзу с исламской Турцией. Моральное и военное поражение России в Крымской войне было направлено на дериацию ее миссии по охране славянского и русского мира.

Российский «колониализм» принципиально отличался от западноевропейского и был «комплиментарным»,

«цивилизаторским», «внутренним». Американский исследователь А. Эткинз заметил, что включение в состав Российской империи новых территорий оборачивалось значительно более интенсивным противоположным потоком освоения метрополии колониями [17, с. 52]. В результате обоюдонаправленных хозяйственно-культурных векторов формировалось уникальное качество цивилизации, отличающееся от американского «плавильного котла» или универсализирующего европейского мультикультурализма.

Несмотря на нарастающее противостояние с Западом, России удавалось иногда за счет использования противоречий между «континентальными» и «океанскими» державами, внутриконтинентальных разногласий обеспечить самобытное развитие, оставаясь важным «игроком» мировой политики.

Однако тенденция интеграции трансатлантического единства в противоборстве с незападной Россией усиливалась и проявлялась в качестве важнейшего геополитического фактора. Можно с уверенностью утверждать, что если бы условия Версальского мира не были столь «беспримерными по беспощадности к побежденным», конфигурация противоборствующих блоков не сложилась бы так естественно с точки зрения сохранения единства Запада.

Архитекторы порядка, установленного после Первой мировой войны, сами заложили «мину замедленного действия» под шаткое здание европейского мира. Немецкая нация, консолидированная гитлеровской идеей реванша, была нацелена на пересмотр унизительных условий Версаля. Раз-

вязав войну, Гитлер был обречен не только направить свой главный удар против «ненавистного коммунистического режима», но и «переиграть» с европейскими конкурентами проигранную военную кампанию начала XX столетия.

Шведский ученый-географ Юхан Чаплен (1864–1922 гг.) еще задолго до начала Второй мировой войны предсказал направления перестройки европейского мироустройства. В своей книге «Великие державы» крайне правый мыслитель предлагал проект «срединной Европы», в результате осуществления которого должен был сложиться Центрально-Европейский комплекс под эгидой Германии, охватывающий все страны, расположенные между Атлантическим океаном, Балтикой, Персидским заливом и Адриатическим морем. Проект объединенной Европы в контексте интеграции антироссийского единства, несмотря на разногласия с великими державами, обусловленными Версалем, начиная с 1942 г., разрабатывался политиками Третьего рейха. В 1944 г., по инициативе шефа внешней разведки (СД) в. Шелленберга, командованием СС был принят документ «Идея мира для Европы 1944/1945 (Die europaesche Friedensidee 1944/1945)», который гласил: «Германия ведет войну ради создания Европейской конфедерации как ассоциативного и социалистического сообщества народов Европы» [3, с. 20]. Разъясняя этот документ в советском плену, обергруппенфюрер СС Р. Гильдебрандт отметил, что предполагался «...отказ от всякой претензии на немецкое господство вне естественных этнических границ расселения немецкого народа», а также «...создание

Соединенных Государств Европы на основе равенства прав всех вошедших в них народов. Подчинение всех национальных точек зрения этой великой общей цели» [4, с. 111-112].

Весной 1945 г. рейхсфюрер СС Гиммлер по нелегальным каналам передал этот документ генералу де Голлю, возглавлявшему французское Сопротивление, указав «тех людей в Рейхе, которые готовы повести Германию по новому пути». Таким политиком стал канцлер ФРГ К. Аденауэр, который вместе с де Голлем подписал Елисейский договор (1963 г.), заложивший фундамент франко-германской интеграции.

Противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции нарастали по мере сужения коридора, разделявшего их вооруженные силы в Европе. Последняя встреча глав союзных государств, демонстрировавшая единство взглядов на послевоенное миропространство, состоялась в Ялте с 4 по 11 февраля 1945 г.

Глава советского правительства И.В. Сталин согласился с планами президента США Ф. Рузвельта о создании Организации Объединенных Наций и предложением премьер-министра Великобритании У. Черчилля относительно предоставления Франции зоны в оккупированной Германии. Лидеры западных стран одобрили советское видение устройства послевоенной Польши, кроме западных границ, и согласились на выплату Германией репараций Советскому Союзу в натуральном виде, приветствовали обещания И.В. Сталина о вступлении СССР в войну с Японией в течение трех месяцев после окончательной победы на Западном фронте.

Специальный советник президента США Г. Гопкинс по поводу ялтинской встречи отзывался с большим энтузиазмом: «Мы действительно верили в душе, что это рассвет нового дня, о наступлении которого молились... Русские доказали, что могут быть разумными и дальновидными. У президента и у всех нас не было сомнений, что мы всегда в обозримом будущем сможем с ними жить мирно и сохранять хорошие отношения». В сообщении Военному кабинету 19 февраля 1945 г. У. Черчилль говорил о твердой уверенности, что Россия стремится к согласию с обеими англоязычными демократическими странами. «Премьер Сталин – человек могущественный, которому он вполне доверяет» [10, с. 538].

Сторонник сохранения единства великих держав после разгрома гитлеровской Германии Ф. Рузвельт высоко оценивал договоренность о создании Организации Объединенных Наций. В своей последней речи перед Объединенной сессией Конгресса 1 марта 1945 г. он заявил: «Мир, который мы строим, не может быть американским или британским миром, русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших или миром малых стран. Он должен быть миром, базирующимся на совместных усилиях всех стран... Конференция в Крыму была поворотным пунктом, я надеюсь, в нашей истории так же, как и в истории всего мира. Вскоре сенату Соединенных Штатов и всему американскому народу будут представлены для ратификации ее великие решения, которые определяют судьбу Соединенных Штатов и всего мира на период жизни будущих поколений...

Ни один план не является совер-

шенным... В то, что будет одобрено в Сан-Франциско (Рузвельт имел в виду предстоящую конференцию Организации Объединенных Наций, которая должна была утвердить ее устав. – В.Е.), несомненно, время от времени будут вноситься изменения, как было с нашей собственной Конституцией... Крымская конференция... призвана обозначить конец системы односторонних действий, замкнутых блоков, сфер влияния, баланса сил и всех других подобных же методов, которые использовались веками и всегда безуспешно. Мы предлагаем поставить на их место всемирную организацию, которая, в конечном счете, объединила бы все миролюбивые нации» [2, с. 301, 350].

Однако вопреки усилиям рузвельтовской администрации, в США крепло лобби жесткого курса в отношении СССР, поддерживаемое военно-промышленными кругами и финансистами, для которых мирная перестройка обернулась бы большими потерями в прибыли. О росте настроений в духе *Rax Americana* в телеграмме от 17 октября 1944 года предупреждал советский посол А.А. Громыко. По его мнению, враждебные Советскому Союзу настроения усиливаются и составляют «солидную величину» [8, с. 240].

Позитивный ялтинский настрой союзников был основан на уверенности в том, что СССР, разгромив Германию, отступит в пределы собственных границ или, по крайней мере, границ 1941 г. [2, с. 289], предоставив западному миру самостоятельно решать судьбу послевоенного пространства. Эта уверенность стала быстро убывать по мере проявления намерений главного победителя нацизма создать вокруг

своих границ геополитическую зону безопасности в виде дружественных государств. Безусловно, дружественными могли быть только коммунистически ориентированные режимы. При этом насаждение коммунистической идеологии странам послевоенного мира не являлось целью советского руководства. Английский исследователь А. Тейлор пишет по этому поводу: «Русские не стремились властвовать, не хотели распространять коммунизм. Они желали безопасности, и лишь коммунисты или их попутчики могли ее обеспечить» [10, с. 359].

На Потсдамской конференции глав правительств СССР, Англии и США (17 июля – 2 августа 1945 г.) с целью демилитаризации и искоренения нацизма в Германии был создан Контрольный Совет, состоявший из главнокомандующих союзных государств. Однако в силу нарастающих противоречий на конференции не удалось достичь договоренностей по основным вопросам послевоенного европейского порядка. Достижению долгосрочных соглашений препятствовали две неразрешимые проблемы: границы между Польшей и Германией и репараций в пользу СССР. Отсутствие договоренности относительно количественных параметров репараций привело к тому, что США, начавшие субсидировать западные зоны Германии, отказались договариваться по этому вопросу. Западные союзники не признавали передачу СССР Польше территорий к востоку от Одера и западнее Нейсе, за исключением присоединенной части Восточной Пруссии, вошедшей в его состав. До 1973 г. германо-польская граница существовала только де-факто и только в этом году была признана де-юре.

Контрольный Совет, деятельность которого сопряжена с возрастающими противоречиями, в марте 1948 г. фактически прекратил существование.

В нарушение достигнутых договоренностей и в ответ на активные усилия СССР по созданию «пояса безопасности» и инициированию коммунистических движений в странах, где присутствовали советские войска, западные державы осуществили слияние американской, английской, а затем и французской оккупационных зон. 8 мая 1949 г. Парламентский Совет, состоящий из представителей Ландтагов западных оккупационных зон Германии и Западного Берлина, принял Конституцию Федеративной Республики Германия (ФРГ). 23 мая она была опубликована и вступила в силу. 7 сентября на совместном заседании обеих палат парламента она была утверждена, а также были избраны президент страны Т. Хейс (СВДП) и первый канцлер К. Аденауэр.

Ответным шагом в эскалации противоречий между Западом и формирующейся послевоенной коалицией под эгидой СССР стало принятие 7 октября 1949 г. Немецким Национальным Советом своей Конституции и провозглашение создания Германской Демократической Республики (ГДР) в зоне советской оккупации. 12 октября было сформировано Временное правительство ГДР во главе с О. Гротеволем.

Несмотря на начавшиеся сразу после окончания войны противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции, конструктивный дух Ялты в первые послевоенные годы продолжал оказывать влияние на формирование системы миротворчества. Идея устойчивого послево-

енного миропорядка была заложена в Уставе ООН, принятом 26 июня 1946 г. участниками конференции в Сан-Франциско. Стремление к сотрудничеству проявилось в работе Совета министров иностранных дел на сессиях в Лондоне (1945 г.), Париже (1946 г.) и совещании министров иностранных дел в Москве (1945 г.), созданного для подготовки проектов мирных договоров. Однако уже на Парижской мирной конференции (1946 г.) проявилось откровенное желание США доминировать в вопросах мирного урегулирования.

Было бы неверным полагать, что послевоенное урегулирование лежало исключительно в политической плоскости, расколовшейся на две зоны геополитического влияния. Источник противоречий, разделивших мир, лежал значительно глубже внешних проявлений политических столкновений бывших союзников. Даже А. Гитлер, находясь у последней черты, прозревая, в своем политическом завещании указал на силу, латентно управляющую войной – «интернациональных финансовых и промышленных заговорщиков»¹.

Бесперспективность усилий Запада, направленных на подчинение мирового пространства интересам финансового капитала и выстроенной под его доминирование Бреттон-Вудской системе (1944 г.) (Bretton Woods system), встретивших противодействие со стороны незападного Советского Союза, определила направления силовых геополитических линий, сформировавших биполярный миропорядок.

Уже в конце мая 1945 г., когда стали очевидными противоречия бывших

союзников по антигитлеровской коалиции относительно послевоенного мира, премьер-министр Великобритании У. Черчилль дал задание Объединенному штабу планирования о подготовке операции «Немыслимое» («Operation Unthinkable»), предполагавшей нанесение удара по Советской армии с оккупации Восточной Европы. В помощь британо-американским войскам при осуществлении агрессии планировалось направить десять дивизий вермахта [15, с. 30]. Однако Британский Объединенный комитет начальников штабов, изучив предложение У. Черчилля, пришел к выводу о том, что «начиная войну с русскими, необходимо быть готовым к длительной и дорогостоящей тотальной войне...», «численный перевес русских на суше делает крайне сомнительным возможность достижения ограниченного и быстрого (военного) успеха». Вместо наступательного плана англичане подготовили оборонительный план с таким же названием: «Немыслимое».

Однако общественность США, окончательно не преодолевшая антианглийские настроения, не была готова поддержать жесткий антисоветский курс британского истеблишмента.

В опубликованной в «Нью-Йорк таймс» 30 мая 1945 г. статье военный обозреватель Х. Болдуин писал: «Многим американцам, возможно, покажется странным, что Россия, с ее многочисленным населением и громадной территорией может беспокоиться о своей безопасности в военном отношении. Но Россия, так же как и Соединенные Штаты, желает, чтобы война была подальше от ее границ, поскольку, начиная с 1800 года ее территория

¹ Политическое завещание А. Гитлера. 29 апреля 1945 г. [18, с. 230].

не раз подвергалась опустошительным нашествиям. Так что и создание в Восточной Европе государств, находящихся под влиянием России, продиктовано соображениями безопасности России».

Такая позиция присутствовала и в официальных кругах Америки. Государственный секретарь Дж. Брикс 21 октября 1945 г. заявил: «Соединенные Штаты никогда не присоединятся к блоку какой-либо группы европейских держав, враждебных России. Мы с симпатией наблюдаем за усилиями, который прилагает Советский Союз для установления более близких и дружественных отношений со своими соседями в Центральной и Восточной Европе. Мы полностью признаем его особые интересы в этих странах с точки зрения безопасности... Мы ценим решимость русского народа никогда не допустить в этих странах политики, преднамеренно направленной против безопасности Советского Союза» [1, с. 234-307].

С целью склонить американцев к открытому противостоянию с СССР У. Черчилль, уже в качестве представителя оппозиции в Британском парламенте, посетил США и произнес свою историческую речь в Фултоне (5 марта 1946 г.), которую Б. Шоу охарактеризовал «равносильной неофициальному объявлению войны России» и закладывающей «основы предстоящей войны».

В своей речи У. Черчилль призвал США, пользуясь своим могуществом, выполнить «гуманную миссию», взяв на себя «ответственность за будущее». В реализации исторической миссии Америка должна опереться на «братское объединение» народов,

говорящих на английском языке, и установление «особых отношений между правительствами Британской империи и Соединенных Штатов». По его мнению, эти «особые отношения» должны были прийти до «полного слияния англосаксонского мира».

Если отбросить политическую риторичку и обязательные при публичном выступлении реверансы в сторону неукоснительного соблюдения принципов ООН, отказа от посягательств на чужие территории и богатства и от тотального контроля над собственными гражданами; а также уважения мужества и вклада СССР в Победу во Второй мировой войне, то У. Черчилль в рамках «слияния англосаксонского мира» предложил отказаться от изжившей себя, с его точки зрения, доктрины политического равновесия между государствами. По его мнению, нормальные отношения с Россией и, как следствие, гарантированная безопасность человечества, возможны только с помощью «мускул мира», т.е. всей мощи англоязычных стран и их союзников [14, с. 364-382].

В изменении официального курса Вашингтона решающую роль сыграли нефтяные тресты США, заключившие 26 декабря 1946 г. соглашение с английскими партнерами, открывавшие путь к освоению нефти Среднего Востока. Нефтяные магнаты развернули в стране бурную кампанию, охватившую Белый дом, государственный департамент и Пентагон, чтобы навязать президенту Г. Трумэну решение об «антикоммунистической линии США».

С речью, знаменовавшей поворот во внешней политике Америки, Г. Трумэн выступил в Конгрессе 11 марта 1947 г. В своих мемуарах он писал: «Эта речь

была ответом Америки на волну экспансии коммунистической тирании, и я хотел, чтобы он был недвусмысленным. Надо было, чтобы речь была ясной, свободной от всяких колебаний и задних мыслей». С целью «противостоять» ей, он рекомендовал «Конгрессу действовать немедленно», а так же определить «перед всем миром позицию, которую Соединенные Штаты намерены занять перед лицом вызова, брошенного новым тоталитаризмом» [1, с. 258].

Обнародованная «Доктрина Трумэна» знаменовала поворот внешней политики США в сторону жесткого противостояния расширяющемуся влиянию СССР. Вдохновитель англосаксонского единства У. Черчилль обратился в 1947 г. к сенатору-республиканцу С. Бриджесу с просьбой убедить Г. Трумэна нанести ядерный удар по СССР.

16 апреля в ходе дебатов в Конгрессе советник Б. Барух, характеризуя советско-американское соперничество в политической, экономической и пропагандистской областях, впервые применил метафору «холодная война». Термин, хорошо раскрывающий содержание отношений формирующихся полюсов мира, надолго вошел в общественно-политический лексикон.

Существенным фактором, повлиявшим на разворот западного политического вектора в сторону конфронтации с Советском Союзом, стало нарастающее в странах Запада коммунистическое движение. Под знаком борьбы с «подрывной деятельностью коммунистов» была инициирована кампания против коммунистических партий, которых представляли в качестве «агентов Москвы». В 1947 году коммунистов удалили из правительства Франции

и Италии, Англия и США наложили запрет на замещение коммунистами должностей в армии и госаппарате, ФРГ запретила компартию.

Для укрепления влияния США среди стран западного сообщества 5 мая 1947 г. госсекретарь США Дж. Маршалл заявил о намерении оказать помощь для восстановления Европы («План Маршалла»). План предусматривал оказание помощи по восстановлению экономики европейских стран на условиях, предложенных американской стороной, включая согласование политической позиции. По сути, реализация плана расширяла конкретные возможности американского капитала в Европе.

Созидание послевоенного мира вопреки принципам, объединяющим союзников в годы войны, стало осуществляться на блоковой основе. В европейской «оси» трансатлантической интеграции значительное место отводилось поверженной Германии. Подписанный 21 мая 1949 г. тайный договор, так называемый канцлер-акт, ставил внутреннюю и внешнюю политику ФРГ в зависимость от Вашингтона. Срок действия договора предусматривал подчиненное положение немецкой политики вплоть до 2099 года [19]. Осуществление «панъевропейского» проекта, как части биполярной архитектуры, было возложено на созданный в 1949 г., по инициативе У. Черчилля, Совет Европы. В качестве цели европейского единства провозглашалось «достижение большего единства между его членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу» [11].

С конца 1940-х гг. противостояние консолидированных геополитических образований вступило в острую фазу, продолжавшуюся на всем протяжении «холодной войны». Первым планом на случай войны против СССР и его союзников был «Тоталити» («Totality»), разработанный в конце 1945 г. при американском президенте Г. Трумэне в штабе генерала Д. Эйзенхауэра и предусматривавший сброс 20-30 атомных бомб на 20 советских городов [21, с. 30-31].

В 1946 г. появился план «Пинчер» («Peancer»), в соответствии с которым предусматривалось нанесение по СССР атомного удара с применением уже 50 атомных бомб по семи жизненно важным районам Советского Союза [5].

1948 г. ознаменовался появлением значительного количества планов войны с СССР. Если план «Пинчер» ставил своей целью ограниченное разрушение военного потенциала СССР, то план «Бройлер» («Broiler») предусматривал «освобождение» Восточной Европы и капитуляцию Советского Союза [6]. Из-за Берлинского кризиса 1948-49 гг. он был трансформирован в план «Фролик» («Frolic»), по которому намечалось проведение воздушного нападения на СССР с американских бомбардировщиков с авиабаз Великобритании, Пакистана, Индии и о. Окинава [5].

Также в действие вступил план «Чариотир» («Charioteer»), согласно которому за 3 года на Советский Союз планировалось сбросить 270 атомных бомб. В том же году был создан план «Флитвуд» («Fleetwood»). Предполагалось, что война начнется до 1 апреля 1949 года, а «атомные бомбы будут ис-

пользоваться в масштабах, которые будут сочтены целесообразными». Следующий план «Тройал» отличался от предыдущего тем, что определял дату начала войны – 1 января 1950 г. [7].

По плану «Сиззл» («Sizzle») 1948 г. планировалось применить 133 ядерных авиабомбы по 70 городам СССР (8 по Москве и 7 по Ленинграду). В случае, если война продлилась бы около двух лет, то, по расчетам Пентагона ВПК, США изготовил бы приблизительно 200 атомных бомб, которые уничтожили бы 40% советской промышленности и 7 млн. советских людей [5].

В 1949 г. в США разработали, пожалуй, самый известный план «Дропшот» («Dropshot»), согласно которому предполагалось на первом этапе бомбардировка 100 советских городов 300 атомными (по 50 килотонн) и обычными бомбами общим весом 200 тыс. тонн, из них 25 атомных бомб предназначались для уничтожения Москвы, 22 – Ленинграда, 10 – Свердловска, 8 – Киева, 5 – Днепропетровска, 2 – Львова и т.д. Планом предусматривалось уничтожение до 100 млн. мирных жителей. Начало боевых действий было запланировано на 1 января 1957 г. [20].

К сожалению, «Дропшот» не был последним. В 1950 г. был разработан и утвержден план «Шейкдаун» («Shakedown»), предусматривавший нанесение ядерных ударов 220 атомными бомбами по 104 городам СССР (20 бомб по районам Москвы и Горького и 12 по Ленинграду) [5]; а в 1960 г. – «СИОП-62», предусматривавший ядерный удар по 3423 целям на территории СССР [9].

В 1948 г. Англия, Франция и страны Бенилюкса подписали Брюссельский договор о коллективной системе

обороны сроком на 50 лет. Создание регионального военно-политического блока шло вразрез с принципами международной коллективной безопасности, провозглашенными в Ялте и Потсдаме. Следующим шагом на пути оформления блоковой организации стало подписание 4 апреля 1949 года в Вашингтоне правительствами Англии, Бельгии, Дании, Исландии, Италии, Канады, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии, США и Франции Североатлантического договора. Позднее в НАТО были включены Греция, Турция и Западная Германия.

К концу 1940-х гг. противоположный западному сообществу социалистический лагерь сформировал собственные институты экономического и военно-политического сотрудничества. В 1949 г. был образован Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Учредителями вновь созданного международного объединения были Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия. Позже к ним присоединились Албания, Германская Демократическая Республика.

В ответ на ремилитаризацию Западной Германии и ее прием в НАТО в 1955 г. Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Советский Союз, Чехословакия подписали Варшавский Договор о военно-политическом взаимодействии. В результате изменения послевоенной геополитической ситуации, роста международного влияния Советскому Союзу удалось осуществить историческую задачу формирования вокруг цивилизационного «ядра» геополитического континентального блока, ставшего на долгие годы гарантией стабильности в Европе и безопасности страны.

Геополитический ландшафт планеты освободился от «коричневой чумы», а мир приобрел, пусть и не окончательно сложившийся, но все же иммунитет к фашизму и экстремизму.

Планетарная цивилизация обрела важный инструмент внеблокового миростроительства – Организацию Объединенных Наций. При всем несовершенстве этого механизма его роль в формировании порядка на основе всестороннего учета интересов всех субъектов международных отношений, предотвращении новой глобальной войны, преодолении бедности и нищеты на планете трудно переоценить.

В то же время направляемое разнополярными векторами политических сил послевоенное геополитическое пространство из многополярного трансформировалось в биполярное, разделенное на два противоборствующих лагеря: СССР и его союзники, с одной стороны, и Трансатлантическое сообщество – с другой.

Применение к их характеристике англо-саксонских академических паттернов об океанической и континентальной конфигурациях геополитических предпочтений лишь отчасти отражало сущностные качества сложившихся лагерей мировой силы.

Стремящийся адаптировать геополитические концепты к послевоенной политической реальности, С. Хантингтон писал о том, что «во время “холодной войны” глобальная политика стала биполярной, а мир был разделен на три части. Группа наиболее процветающих и могущественных держав, ведомая Соединенными Штатами, была втянута в широкомасштабное идеологическое, экономическое и временами военное противостояние группе небо-

гаты коммунистических стран, сплоченных и введомых Советским Союзом. Этот конфликт, в значительной степени, проявлялся за пределами двух лагерей – в третьем мире» [13, с. 14-15].

В результате Второй мировой войны сложилось консолидированное Трансатлантическое сообщество, агрессивно навязывающее универсальную модель миропространства, продиктованную интересами финансового капитала. Впервые военно-политический и экономический центр западного мира переместился из Западной Европы в Северную Америку.

СССР, естественно доминируя на Евразийском континенте, обеспечивал порой ценой больших материальных и военных затрат функциональное пространство, не адаптированное к западной универсализации. Заложенный цивилизационный потенциал, не смотря на усилия западных партнеров, способствует сохранению социокультурной идентичности в постсоветскую эпоху.

Геополитический дискурс, безусловно, присутствовал в выработке послевоенной западной стратегии. Его содержание выразил президент США Г. Трумэн: «Метод геополитической картографии, который описывает международный ландшафт общедоступными терминами, подготавливая таким образом почву для сложной стратегии сдерживания, каковой суждено вскоре появиться. Мировоззрения и каузальные теории являются неотъемлемыми ориентирами международной политики» [13, с. 26].

Сдерживание Советского Союза являлось главной задачей американской геополитики. К моменту актуализации этой задачи в Америке уже существова-

ла подходящая, с точки зрения проблем текущего момента, теория, созданная Н. Спайкменом (1893–1943 гг.), возглавлявшим Институт международных отношений в Йельском университете. В книгах «Стратегия Америки в мировой политике» (1942 г.) и «География мира» (1944 г.) Н. Спайкмен обосновал собственное видение геополитической формулы глобальной безопасности США, существо которой, по его мнению, заключалось в «интегрированном контроле над территорией» для достижения мирового господства. Геополитическая концепция Спайкмена определялась метафорой «хартленд-римленд». В отличие от концепции Макксиндера, упор в достижении господства сделан не на «хартленд» (Евразийский континент, который находился под контролем СССР), а «римленд» (rim – дуга, обод), т.е. зону, соответствующую географическому «внутреннему полумесяцу» или «материковой кайме», опоясывающей «хартленд».

Гигантская территория «римленда» охватывала морские страны Европы, Ближний и Средний Восток, Индию, Юго-Восточную Азию и Китай и являлась, в представлении Спайкмена, зоной противостояния между океаническим гегемоном США и доминантной континентальной державой – СССР.

Одним из влиятельных политиков, направивших теоретические построения Спайкмена в практическое русло внешней политики, стал советник-посланник посольства США в Москве (1946 г.) Дж. Кеннан. В «Длинной телеграмме» Дж. Кеннан изложил направления реализации «политики сдерживания» в отношении Советского Союза. Полагая, что советское руководство «крайне чувствительно к до-

водам силы», он тем не менее не считал войну неизбежным средством ведения диалога. В ядерном оружии он видел не инструмент решения конфликтных ситуаций, а механизм «сдерживания», не применимый в реальной войне. Геостратегический курс в отношении СССР, по мнению Дж. Кеннана, должен заключаться в его политической и экономической изоляции. В связи с реализацией изоляционистских планов Дж. Кеннан уделял большое значение плану Маршалла, направленному на возрождение экономического потенциала западных партнеров США и Японии. Практическое воплощение стратегии сдерживания реализовалось в создании условий военной, политической, финансовой зависимости партнеров от США, военного присутствия Америки в регионах, непосредственно примыкающих к геополитической зоне влияния СССР, и создании атмосферы неприятия экономических и культурных отношений со странами, входящими в противоположный лагерь.

Политическая конкуренция противоборствующих центров мировой силы создала условия для крушения колониальной системы. В 1945 г. колонии занимали площадь в 38,5 млн. кв. км с населением 871, 5 млн. чел., а уже в 1960 г. площадь колониальных владений сократилась до 13,2 млн. кв. км с населением 82,4 млн. чел. [18, с. 360].

Суверенное существование стран «третьего мира» заложило основу многополярной планетарной цивилизации, черты которой все отчетливее проявляются в современной архитектуре мироустройства. Однако СССР и России с ее цивилизационным кодом сложно, скорее – невозможно, вписать в вектор развития Запада и систему

его ценностей. Агрессивное стремление западной цивилизации к всеохватному поглощению всего и вся является деструктивным элементом настоящего и будущего мирового пространства.

Тем не менее активная борьба за многополярность планетарной цивилизации России и других «несогласных» с западноцентричным порядком стран вселяет надежду на будущее.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дзелепи Э. Секрет Черчилля (К Третьей мировой войне – 1945...) / Пер. с франц. Н. Яковлева. Предисловие В.И. Антюхиной-Московченко. М.: Прогресс. Редакция литературы по истории, 1975. 307 с.
2. Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М.: Мысль, 1988. 350 с.
3. Павленко В., Штоль В. Проект «Глобализация: роль и место во всемирно-историческом процессе» // Обозреватель – Observer. 2013. № 5. С. 5-28.
4. Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя / Пер. с фр. В. Карпеца. СПб.: Амфора, 2006. 447 с.
5. Перов Я. Пентагон: ставка на победу в ядерной войне (История и современность) // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 5. С. 7-13; то же: [сайт]. – URL: http://pentagonus.ru/publ/pentagon_stavka_na_pobedu_v_jadernoj_vojne/19-1-0-1290 (дата обращения: 3.03.2015).
6. План «Пинчер» // Институт социально-политических исследований [сайт]. URL: <http://ispr.ru/voennaya-politika-ssha/plan-pincher.html> (дата обращения: 2.12.2014).
7. Планы ядерного нападения на Советский Союз // Nakuna Matata [сайт]. URL: <http://drsoft.ucoz.ru/publ/4-1-0-10> (дата обращения: 1.03.2015).
8. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны,

- 1941-1945: Документы и материалы / М-во иностр. дел СССР. В 2-х т. Т. 2. 1944-1945. М.: Политиздат, 1984. 575 с, ил.
9. США: планы ядерного нападения на Советский Союз // Семейные истории [сайт]. URL: <http://www.famhist.ru/famhist/chertok/00117c76.htm> (дата обращения: 2.02.2015).
  10. Тейлор А. Вторая мировая война // Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995. С. 375-555.
  11. Устав Совета Европы (ст. 1 п.а.) // URL: www.conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/001.htm (дата обращения: 03.02.2014).
  12. Хаггер Н. Синдикат. История грядущего мирового правительства. М.: Столица-принт, 2007. 768 с.
  13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. под общей редакцией К. Королева. Послесловие С. Переслегина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603, [5] с.
  14. Черчилль У. Как я воевал с Россией / Перев. М. Минц и В. Чухно, с англ. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. 384 с. Проект «АнтиРоссия».
  15. Штоль В. Россия: многообразие цивилизаций и собственная цивилизационная проектность // Обозреватель – Observer. 2011. № 6. С. 17-32.
  16. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия / Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с. (Экон. наследие).
  17. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
  18. Якобсен Г.-А. 1939-1945. Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995. С. 7-374.
  19. Bates D. Winston Churchill's bid to nuke Russia to win Cold War-uncovered I secret FBI files // Mail Online [сайт]. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2826980/Winston-Churchill-s-bid-nyke-Russia-win-Cold-War-uncovered-secret-FBI-files.html>. (дата обращения: 01.12.2014).
  20. Brown A. Dropshot: the United States plan for war with the Soviet Union in 1957. NY 1978 // All world wars [сайт]. URL: <http://www.allworldwars.com/Dropshot%20-%20American%20Plan%20for%20War%20with%20the%20Soviet%20Union%201957.html> (дата обращения: 03.02.2015).
  21. Kaku M., Axelrod D. To Win a Nuclear War: The Pentagon's Secret War Plans. Boston, South End Press, 1987, 228 p.